

Сун Чэнцин был зажат так, что не мог пошевелиться. В разгар зимы на его лбу выступил пот, стекая по твердому подбородку и капая на уголок рта Фан Чжи. Тот, в полудреме, высунул язык, слизав каплю, и почувствовал солоноватый вкус. Открыв глаза, он растерянно посмотрел на Сун Чэнцина.

В голове Сун Чэнцина словно взорвалась бомба. Глаза налились кровью, дыхание стало тяжелым, а руки беспомощно потянулись к тому месту. Ткань смялась, увлекаемая огромным членом, который полностью вошел в узкое влагалище. При малейшем движении Фан Чжи сжимался еще сильнее, зажимая член так, что тот не мог двигаться. Сам Фан Чжи от боли громко плакал.

Сун Чэнцин обнял его, успокаивая:

— Маленький Чжи, будь хорошим... Расслабься, не сжимайся так сильно...

Фан Чжи, которому и так было нелегко, услышав это, заплакал еще сильнее, всхлипывая и икая. Его руки крепко обхватили Сун Чэнцина, и он прерывисто говорил:

— Что делать... Уууу, больно... Помогите мне, скорее, помогите мне уууу...

С этими словами он схватил руку Сун Чэнцина и потянул её вниз.

Сун Чэнцин оказался в тупике, попав в ловушку на кровати своей жены. Он винил себя за свою опрометчивость, но сейчас мог только крепко обнять Фан Чжи, нежно целуя его, губы скользили по губам, успокаивая. Внизу же он, собравшись с духом, вытащил член, а затем и смятую ткань, которую туда втиснули.

— Ммм!

Тело Фан Чжи дрогнуло, его пальцы впились в плечи Сун Чэнцина. Губы были заняты, поэтому он не мог кричать громче, но он не хотел причинять боль Сун Чэнцину, лишь рыдая, проливая слезы, что растрогало Сун Чэнцина до глубины души.

— Это я, подлец, причинил боль моему маленькому Чжи, поцелуй... Не плачь, не плачь...

Сун Чэнцин посадил его на колени, обнял, время от времени целуя щеки и губы, натянул на Фан Чжи курточку и больше не решался на другие действия.

Так, всхлипывая, они добрались до дома семьи Сун. Когда карета остановилась, Фан Чжи, все еще икая, капризничал, требуя поцелуев. Его глаза были красными, губы надуты, а руки крепко держались за воротник Сун Чэнцина. Он даже высунул язык, выпрашивая ласку.

Сун Чэнцин, конечно, не мог отказать, обнимая его, целуя в губы, словно боясь, что тот растает от его нежности. Они провели еще некоторое время в карете у входа, пока Фан Чжи наконец не успокоился и перестал рыдать.

Домоправитель семьи Сун уже ждал их с большим зонтом. Только сейчас он заметил, что хмурое небо незаметно начало осыпать землю маленькими снежинками.

Сун Чэнцин вышел, неся на руках Фан Чжи, чье лицо было скрыто капюшоном плаща, и тот прижимался к его груди. Домоправитель поспешил подойти, укрыв их зонтом. На головах двух каменных львов у входа уже лежал тонкий слой снега, выглядевший холодно.

Поднявшись по ступенькам и войдя под крышу, Сун Чэнцин прошел через извилистый коридор, минуя несколько маленьких дворов, и добрался до своих покоев. У дверей стояли слуги, и старшая из служанок, обладавшая хорошей сметкой, первой открыла дверь. Когда Сун Чэнцин уложил Фан Чжи на кровать, она принесла заранее приготовленную грелку и поставила её у изголовья, затем тихо вышла вместе с домоправителем, закрыв дверь.

— Господин домоправитель, что происходит?

— тихо спросила старшая служанка по имени Сун Хэ.

Домоправитель на мгновение задумался, затем, с улыбкой в глазах, ответил:

— Хорошо ухаживайте за молодой госпожой, и вам будет щедро вознаграждено.

Сун Хэ удивилась, быстро кивнула и спросила на ходу:

— Та самая из Башни Фэнчжи?

Домоправитель отругал её:

— А кто же еще?

Они шли вперед, когда навстречу им попала Сун Чжися. Домоправитель подошел к ней и что-то сказал, на что Сун Чжися улыбнулась:

— Все устроено?

Сун Хэ поспешила ответить:

— Все устроено, людей хватает, все, что нужно молодой... молодой госпоже, мы уже приготовили!

Сун Чжися засмеялась, довольная:

— Хорошо, хорошо, теперь этот непоседа наконец успокоится, а то каждый день голова болит от его криков... Следите, чтобы все было как следует.

— Да, госпожа.

Сун Хэ поклонилась.

В комнате уже горел уголь, и в доме всегда использовали только лучшее. Уголь горел почти без дыма, издавая легкий аромат, похожий на запах сливы, что гармонировало с падающим за окном снегом.

Фан Чжи лежал на кровати, все еще слабо держась за шею Сун Чэнцина. Тот аккуратно откинул капюшон, и из-под него показалось бледное лицо с легким румянцем на висках. Глаза смотрели на него, не моргая, губы были надуты, словно он был доволен его действиями, но не хотел давать ему слишком легкой победы, настаивая на том, чтобы доставить ему немного неприятностей.

Сун Чэнцин боготворил этого человека и не удержался, наклонившись, чтобы поцеловать его губы. Фан Чжи застонал, отталкивая его рукой, но не прикладывая сил, лишь дразня, что сводило Сун Чэнцина с ума. Жар поднялся от живота, разгораясь сильнее, чем уголь в печи.

В процессе поцелуя Фан Чжи постепенно обмяк, запрокинув голову и позволяя Сун Чэнцину кусать его шею. На ногах у него были мягкие валенки, белые и пушистые, которые Сун Чэнцин сам надел. Сейчас эти туфли, не ступавшие по земле, ерзали по постели, двигаемые ногами внутри. Если бы снять их, можно было бы увидеть, как круглые пальцы ног напрягались.

Фан Чжи запрокинул голову, и на его нижней губе остался след от укуса. Сун Чэнцин облизал и покусал его шею и за ушами, и, когда он коснулся какого-то места, Фан Чжи не смог сдержать стон.

Сун Чэнцин поднял голову, его глаза пылали желанием. Увидев, что Фан Чжи сам укусил свою губу, он не стал щадить его, а вместо этого снова набросился на его губы, оставив еще один след от укуса.

Фан Чжи тихо заплакал, ударяя его по плечам, но Сун Чэнцин одной рукой схватил его запястья и прижал их к изголовью, продолжая мучить уже опухшие губы, а другой рукой стал расстегивать его штаны.

За окном снег становился все гуще, покрывая землю белым ковром. Сливовое дерево во дворе, пересаженное в этом году, еще не выросло, оставаясь маленьким и хрупким. Его ветви уже были покрыты снегом, и оно качалось под порывами ветра, не в силах стряхнуть с себя снег, подчиняясь капризам природы. Ветер усилился, и ветви едва выдерживали его напор. Если прислушаться, можно было услышать, как они стонут в такт ветру.

В комнате было тепло от печи, а Фан Чжи, раздетый, лежал на мягкой кровати, крепко сжимая подушку пальцами, смяв ткань в комок. Рот был приоткрыт, половина лица утопала в подушке, а слюна капала, оставляя мокрое пятно. Грудь опустилась, и только его круглые, упругие белые ягодицы поднимались вверх, покрытые красными следами, которые к завтрашнему дню станут синяками.

Толстый, темный член входил и выходил между ягодиц, делая их еще белее. Фан Чжи почти обмяк, но Сун Чэнцин крепко держал его за ягодицы и талию, яростно двигаясь. Его яички, ненасытные, будто пытались проникнуть в узкий анус Фан Чжи.

Сильные толчки сопровождались громкими хлопками, а грубые волосы на лобке терлись о опухший вход во влагалище, вызывая мучительный зуд. Сок лился из раскрывающегося влагалища, капая на постель. Фан Чжи не выдержал этого напора, заплакал, всхлипывая, и потянул руку Сун Чэнцина к своему влагалищу, но тот не поддался, так как оно было уже сильно опухшим, и боялся, что Фан Чжи потом будет слишком больно.

Вместо этого он наклонился вперед, обняв тонкие плечи Фан Чжи, и поцеловал его красивые лопатки, успокаивая:

— Слушайся, мы используем зад, там уже больно, будь хорошим...

Раньше он мог терпеть, но теперь, когда его терли, но не удовлетворяли, его тело, уже познавшее удовольствие, не могло насытиться только задним проходом. Фан Чжи заплакал громче, и его положение, когда он не видел партнера, вызывало в нем пустоту. Он продолжал кричать:

— Хочу, войди...

Сун Чэнцин не отвечал, лишь обнял его и начал яростно двигаться, толкая Фан Чжи вперед, но крепко держа его за талию, возвращая на место и глубоко проникая в него.

— Ааа! — Ааааа! — Ууууу, ты плохой!

Фан Чжи плакал, его голос срывался, он ругался, как котенок, пытаясь ударить, но схватил только мокрую наволочку, икая и не переставая плакать.

<http://bllate.org/book/16757/1540568>